

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

© 2019 г. Л.Е. Горизонтов

*Д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

E-mail: lgorizontov@hse.ru

Российской славистике присуще сосуществование и даже соперничество традиционного этнокультурного и регионального подходов, востребованность которых определяли не только научные соображения, но и политические факторы, – отношение к наследию империй, императивы советского блока и потребности постсоциалистической трансформации. С региональным подходом связано использование таких терминов, как Восточная Европа, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа и Центрально-Восточная Европа, имеющих аксиологическое и геополитическое измерения.

The Russian Slavistics is characterized by the coexistence and even rivalry of traditional ethno-cultural and regional approaches, the demand for which was determined not only by scientific considerations, but also by political factors – the attitude to the heritage of empires, the imperatives of the Soviet bloc and the needs of post-socialist transformation. The regional approach involves the use of notions such as Eastern Europe, Central Europe, South-Eastern Europe and East Central Europe having axiological and geopolitical dimensions.

Ключевые слова: история славяноведения, этнокультурный подход, региональный подход, балканистика, Восточная Европа, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Центрально-Восточная Европа, Институт славяноведения в Москве, региональная идентичность.

Keywords: history of Slavic studies, ethno-cultural approach, regional approach, Balkan studies, Eastern Europe, Central Europe, South-Eastern Europe, East Central Europe, Institute of Slavic Studies in Moscow, regional identity.

DOI: 10.31857/S0869544X0004731-7

История науки включает эволюцию используемой в ней терминологии и, следовательно, неразрывно связана с актуальной ныне историей понятий. Частью понятийного аппарата являются обозначения регионов, вносящие системность в изучение пространства и связанные с еще одной востребованной междисциплинарной областью знаний – ментальной географией. В лингвистике названия регионов не выделяются в отдельный вид топонимов, относясь к числу макрохоронимов.

Становление научного славяноведения в России было сопряжено со сравнительным изучением языков, что задало новому направлению выраженный этнический вектор и обусловило ключевую роль деления славянских народов в соответствии с лингвистической классификацией (восточные, западные и южные славяне). Параллельно, в значительной степени благодаря повышенному интересу к «славянским древностям», развивалась историческая часть славяноведения, сформировавшегося как историко-филологический комплекс.

В дореволюционной России неоднородность Европы осмысливалась в категориях этнокультурных миров — славянского, германского, романского, причем славянам приходилось отстаивать право считаться европейцами. На эти этнические миры накладывались конфессиональные общности, что делало славянство еще более гетерогенным. Для многих славистов принципиально важным было деление Европы на православную и латинскую части.

Кроме того, использовалась группировка народов по империям, подданными которых они являлись. Слависты обратились к изучению взаимодействия славян с неславянским окружением, прежде всего немцами, венграми и турками, что под влиянием идеи славянской взаимности и перипетий международных отношений зачастую приобретало политическую окраску. Деление зарубежного славянства на австрийских и турецких славян нарушалось таким распространенным в зоне континентальных империй явлением, как разделенные нации, и прогрессирующим распадом Османской империи, следствием которого стало возникновение нескольких балканских государств.

Термин «Восточная Европа» употреблялся в дореволюционной России редко и мог нести аксиологическую нагрузку, задаваемую дискурсом ориентализма. Балканы традиционно рассматривались в контексте Восточного вопроса и долгое время находились в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Когда в июне 1914 г. этот департамент был разделен на три политических отдела, османские и постосманские (включая Румынию) Балканы были отнесены к сфере ответственности Ближневосточного отдела наряду с неевропейскими землями Османской империи, Египтом и Абиссинией. Как писал в своих воспоминаниях хорошо осведомленный сотрудник министерства, «II Политический отдел [...] ведал Ближним Востоком, то есть Балканами». Возглавил его российский посланник в Сербии, попавшей в эпицентр событий, которые привели к Первой мировой войне [1. С. 42]. Европоцентричные представления о столь широко понимаемом *Ближнем Востоке* служили реакцией на длительное существование восточносредиземноморской Османской империи. Размышляя в конце XIX в. о «настоящих» империях, В.С. Соловьев счел Османскую империю слишком восточной, а Речь Посполитую слишком западной, чтобы осуществить органический синтез Востока и Запада [2. С. 602–604]. *Центральными* державами («центральноевропейскими империями» [3. С. 98]) в России называли Австро-Венгрию и Германию.

Возрастание доли исторических исследований в славяноведении дореволюционного и особенно советского периодов способствовало смещению центра тяжести из этнической плоскости в региональную. Кроме того, «реакционная» этнокультурная ориентация славяноведения не соответствовала насаждавшимся большевиками классовым и экономическим приоритетам. Объявленный марксистским фундаментом языкознания марризм отрицал языковые семьи. На состоянии научной дисциплины негативно сказывалась и геополитическая ситуация: у СССР сложились сложные отношения с соседними государствами, принявшими участие в образовании антибольшевистского «санитарного кордона».

С другой стороны, роль восточноевропейских коммунистов в создании III Интернационала в 1919 г. была исключительно велика. В нем, в частности, имелось особое представительство от Балкан, которые рассматривались уже вне Ближнего Востока. Термин «восточный вопрос» использовался Коминтерном как синоним «национально-колониального вопроса». Коммунисты-эмигранты из славянских стран приняли активное участие в становлении советского славяноведения.

После состоявшегося в 1927 г. укрупнения три из шести лендерсекретариатов Исполнительного комитета Коминтерна включали интересующие нас страны: Среднеевропейский (первоначально в него входили посттабсбургские Чехословакия, Венгрия и Австрия, затем добавились Германия, Скандинавия и ряд других государств); Балканский (Болгария, Югославия, Румыния, Греция и Албания); Крайних (приграничных) государств, позднее переименованный в Польско-прибалтийский (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, т.е. преимущественно бывшие владения Российской империи). Если Среднеевропейский лендерсекретариат расширялся, утрачивая географическую компактность и имперскую привязку, то два других сохранили свои очертания. Примечательно, что во всех названных подразделениях ИККИ руководящие функции выполнял чешский коммунист Б. Шмераль, координируя таким образом их работу [4].

В 1927 г. М. Н. Покровский опубликовал в «Правде» статью о предстоящей в Варшаве конференции, где планировалось создать региональную федерацию исторических обществ [5]. Основывая свои оценки на программе конференции, он уделил особое внимание ее названию, в котором фигурировали «государства Восточной Европы» и «славянский мир». Подобное соединение географического и этнографического ориентиров вызвало недоумение советского историка¹. Лишь «русская история», полагал он, отвечает обоим критериям. В отношении Польши это уже не так: территорию от Немана до Вислы Покровский считал «рубежом между Восточной и Западной Европой», тогда как к западу от Вислы, по его мнению, располагается Центральная Европа. Славянские Чехословакия и Югославия «ни с какими географическими натяжками» не могут быть отнесены к Восточной Европе, а неславянские Литва, Латвия и Эстония к ней «несомненно» принадлежат. Таким образом, Восточная Европа, по Покровскому, практически совпадает с Европейской частью Российской империи. В статье встречается еще один термин – «коренная Восточная Европа», которая соотносима с Европейской частью тогдашнего СССР.

Покровский делал вывод о том, что организаторами варшавской конференции «в основу положена путаная, не научная классификация». Восточная Европа служит лишь маскарадным костюмом, в который облачился очередной панславистский съезд ученых и политиков. Правда, в новых условиях прежний пророссийский панславизм обрел антисоветскую направленность.

Покровский отметил, что Восточная Европа сделалась предметом изучения в Германии и США и это нашло отражение в организации университетского преподавания. Действительно, именно в 1920-е годы в научных

¹ Недоумение по поводу соединения славянского и восточноевропейского компонентов выражает также современный российский историк науки. «Название организации не может не удивлять, — пишет Е. П. Аксенова, — поскольку все славянские страны входили в обусловленные границы региона Восточной Европы, но, видимо, таким образом обозначалось присутствие в Федерации неславянских стран» [6. С. 243].

и образовательных практиках на Западе утверждается формат *area studies*, потеснивший традиционный страноведческий подход. Однако Покровский умалчивал о том, что формула, соединявшая Восточную Европу со славянством, получила распространение и в западной науке. Так, в межвоенный период Великобритания проделала эволюцию от *славянских исследований* к *славянским и восточноевропейским исследованиям* (Slavonic and East European Studies).

В утвердившемся после конференции в Варшаве названии федерации «славянский мир» исчез. Федерация исторических обществ Восточной Европы обозначила свой регион предельно широко. Примечательно, что у ее участников отсутствуют еще «восточноевропейский комплекс» и намерение отгородиться от России, даже большевистской. В федерации были представлены русские историки-эмигранты, эпизодические контакты имели с ней и советские слависты, несмотря на отказ Академии наук СССР от сотрудничества, что с удовлетворением констатировал Покровский. В рамках федерации велась дискуссия о релевантности этнославянского и регионального подходов, в которой особую активность проявили польский историк О. Халецкий, впоследствии обосновавший понятие «Центрально-Восточная Европа», и чешский историк Я. Бидло.

Накануне Второй мировой войны понятия «Центральная Европа» и «Восточная Европа» присутствуют в лексиконе советских руководителей. В частности, их употреблял в 1939 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов. В секретном дополнительном протоколе к пакту Молотова – Риббентропа в Восточную Европу включались Прибалтика (в том числе Финляндия), Польша и Бессарабия, которая характеризовалась как «юго-восток Европы».

С конца 1930-х годов на волне противостояния славянства германскому натиску в СССР начинает возрождаться славяноведение, причем с сильным акцентом на этническое родство и общность исторических судеб изучаемых народов. Сектор славяноведения создается в Институте истории АН СССР. В Московском государственном университете с 1 сентября 1939 г. функционирует кафедра истории южных и западных славян, название которой воспроизводит традиционную классификацию славянских языков и ограничивает сферу деятельности зарубежным славянством.

В 1942 г. разделявшие постулаты марризма В.И. Пичета и У.А. Шустер в своем очерке истории советского славяноведения отрицали формирование трех ветвей славянства в результате миграционных процессов [7. С. 225, 229]. При этом историки-слависты (Пичета – с дореволюционным стажем, Шустер – представитель советской генерации) широко пользовались понятиями «восточные», «южные» и «западные славяне», обходясь без каких-либо региональных обозначений. Правда, деление славян по языковому признаку вследствие компактного проживания всех трех групп задавало также определенные региональные рамки.

СССР начинает позиционировать себя в качестве крупнейшей славянской державы, что в условиях войны и коренного послевоенного переустройства Европы играло немаловажную роль. В Москве в 1947 г. основывается Институт славяноведения АН СССР, которому предстояло стать ведущим исследовательским центром в своей области.

В период существования «железного занавеса» дихотомия Восток – Запад на европейском континенте проявлялась предельно четко. Как никогда раньше была очевидна реальность «большой» Восточной Европы. Со складыванием

в Европе социалистического лагеря в СССР возник политический заказ на выделение его в особый объект изучения. В год Пражской весны и провозглашения на съезде Польской объединенной рабочей партии «доктрины Брежнева» внимание к зарубежной социалистической Европе еще более возросло. Когда в 1968 г. вследствие ужесточения идеологического контроля за наукой Институт истории АН СССР был разделен на отечественную и зарубежную части, Институт славяноведения пополнился специалистами по неславянским народам, среди которых преобладали участники социалистического проекта — венгры, румыны, албанцы. Однако проводившие реорганизацию не были последовательными: в сфере интересов института утвердились также капиталистические Греция и Австрия.

В связи с произошедшими переменами Институт славяноведения был переименован в Институт славяноведения и балканистики. Новое название стало компромиссом между традиционной ориентацией на этничность и региональным подходом. Однако оно не охватывало всего изучаемого ареала, не распространяясь на неславянские народы за пределами Балканского полуострова, прежде всего Венгрию. Изъяны гибридной терминологической конструкции были компенсированы широким распространением в исследовательском обиходе двух сугубо региональных обозначений: Центральная Европа и Юго-Восточная Европа. Они употреблялись столь часто, что вошло в привычку использование понятной лишь специалистам аббревиатуры ЦЮВЕ.

Генезис указанной практики проясняет библиография трудов Института славяноведения до официального расширения сферы его деятельности. В 1950-е годы встречается формула *Центральная и Восточная Европа*, которая использовалась в серии средневековых памятников, публикуемой совместно с Институтом истории. В 1963 г. фиксируется формула *Центральная и Юго-Восточная Европа*, причем возникает она в связи с планированием исследований по послевоенной проблематике [8. С. 295], что подтверждает значимость влияния на терминологию политического фактора. В 1966—1967 гг. эти названия регионов используются все чаще и с большей исторической глубиной.

В понимании советских ученых Центральная Европа включала Польшу, Чехословакию и Венгрию, а Юго-Восточная Европа совпадала с Балканским полуостровом. При этом не все государства, которые принято считать балканскими, географически полностью расположены в пределах полуострова. Аргументы в пользу надэтнического регионального единства Балкан находят не только историки, но также лингвисты (балканский языковой союз) и культурологи (балканская мифология, балканский фольклор, балканская музыка и т.д.).

Большой вклад в утверждение представлений о ЦЮВЕ внес компаративистский, междисциплинарный и в известной степени международный проект Института славяноведения и балканистики по изучению переходного периода от феодализма к капитализму (т.е. начала модернизационных процессов), в рамках которого в 1970—1980-е годы увидели свет полтора десятка книг, в основном тематических сборников статей. Обобщения в масштабах регионов делались И.С. Миллером, В.А. Дьяковым, А.С. Мыльниковым, Т.М. Исламовым, В.Н. Виноградовым и В.И. Фрейдзоном, представлявшими различные славистические и неславистические страноведческие специализации [9]. В центральноевропейских исследованиях был замечен специфический подход унгаристов, не всегда готовых работать в русле терминологических традиций славяноведения. В целом же, мотивированное политическими реалиями

организационное решение оказалось продуктивным для разработки фундаментальных научных проблем.

После дезинтеграционных катаклизмов рубежа 1980–1990-х годов общность исторического пути «большой» Восточной Европы была в значительной мере утрачена. Идея консолидированно осуществить трансформацию и интегрироваться в мировую систему не нашла необходимой поддержки. Прекращается деятельность региональных органов социалистического содружества, в результате распада трех федераций удваивается число славянских государств, возникают непризнанные или частично признанные государственные образования, многие постсоциалистические страны вступают в НАТО и Европейский Союз. Запускается процесс регионального реформатирования континента [10], одним из следствий которого становится использование термина «Восточная Европа» преимущественно в узком смысле – применительно лишь к Европейской части постсоветского пространства, причем, как правило, с исключением из него бывшей советской Прибалтики.

В 1997 г., когда ситуация на Балканах отличалась крайней нестабильностью, Институт славяноведения и балканистики РАН лишился второй части своего названия, вернувшись к изначальному варианту. Возможно, таким образом подчеркивалась миссия института в качестве центра изучения славянского мира, который не исчез, тогда как социалистический лагерь с его значительным неславянским компонентом существовать перестал. Неоднозначное решение отразилось в изменении названий подразделений института (например, Отдел истории славянских народов Центральной Европы в Новое время и Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, которые продолжают заниматься не только сугубо славянской проблематикой).

После распада СССР пространственный ареал исследований российских славистов расширился за счет Украины и Белоруссии, которые изучались ими и раньше, но для историков не были, как правило, объектом специального внимания. Украинистика и белорусистика стали преимущественно уделом полонистов, более подготовленных как в языковом, так и в регионоведческом отношении. В гораздо большем объеме и без прежней оглядки на разделение труда между научными учреждениями славистами стала разрабатываться русская проблематика. В 1999 г. в Институте славяноведения был образован Отдел восточного славянства. Таким образом, по своему пространственному охвату российское славяноведение приблизилось к канону славистики в неславянских странах. В ходе второго расширения его предметной области возросло внимание и к некоторым неславянским народам. В первую очередь российское славяноведение дополнилось изучением истории и культуры евреев Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы – проблематики, многие десятилетия практически табуированной для советских исследователей.

Важным региональным маркером является региональная идентичность, которая при всей своей устойчивости способна меняться. В частности, она восприимчива к импульсам географии престижа. Приходится констатировать падение престижности восточноевропейской и балканской идентичностей, обремененных рядом негативных коннотаций. Не лучшие времена переживает и славянская идентичность – осознание причастности к суперэтнической славянской общности, находящее свое выражение в проявлениях славянской взаимности. При этом следует подчеркнуть, что не во всех регионах принадлежность к славянству в одинаковой степени утрачивает значение ценности.

Наряду с европейской (общеевропейской) идентичностью весьма востребована идентичность центральноевропейская: в Центральной Европе комфортно позиционировать себя жителям как северной части Балканского полуострова, так и западной части постсоветского пространства. В силу этого границы Центральной, Юго-Восточной и Восточной (в узком смысле) Европы становятся еще более неопределенными и подвижными. Сегодняшняя Центральная Европа демонстрирует свое единство приверженностью сотрудничеству в вишеградском формате и схожей реакцией на миграционный кризис в ЕС.

Латвия и Эстония предпочитают подчеркивать свою общность со Скандинавией (в прошлом существовал даже специальный термин *Балтоскандия*). В названных странах было с удовлетворением воспринято отнесение их и Литвы к Северной Европе статистическим отделом ООН. Таким образом, три постсоветских государства оказались в одном ряду не только с благополучными скандинавскими странами, но и с Великобританией, решительно дистанцировавшись от Восточной Европы. Согласно этой классификации, Сербия, Черногория, Хорватия, Македония, Босния, Албания и Словения включены в Южную Европу, сближаясь с Италией и Испанией. К Восточной Европе по далеко не бесспорному решению подразделения ООН наряду с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдавией отнесены все страны вишеградской группы, Болгария и Румыния [11].

Итак, география престижа стимулирует ментальный исход из Восточной и Юго-Восточной Европы в Европу Центральную (Центрально-Восточную), Северную и Южную, позволяющий усилить ощущение причастности к европейской цивилизации и коллективному Западу.

Продолжая работать преимущественно с терминами *Центральная* и *Юго-Восточная Европа*, российские слависты стремятся глубже осмыслить специфику данных регионов. Это побудило заниматься как историографией (сборники 1996–2000 гг. о понимании Центральной Европы под редакцией полониста и украиниста А. И. Миллера, унгариста А. С. Стыкалина и богемиста Э. Г. Задорожнюк [12–14]), так и исторической антропологией (издаваемые с 2002 г. сборники «Человек на Балканах», в которых ведущая роль принадлежала югослависту А. Л. Шемякину, с особым фокусом на модернизационные процессы, а следовательно, место балканских народов в Европе). Проблематика интересующих нас регионов присутствует в имагологических исследованиях славистов, начатых изучением представлений друг о друге русских и поляков и продолженных на русско-сербском и русско-украинском материале [15].

Сегодня российские слависты гораздо больше и успешнее, чем в советский период, анализируют современные процессы, причем в соответствующих трудах доминирует именно региональный подход. Исследователи, как правило, благожелательно относятся к центральноевропейской и балканской идентичностям, видя в них естественный противовес актуальной версии глобализации, залог сохранения исконных культурных кодов и самобытности. В балканском случае эти коды выражены контрастнее и колоритнее, тогда как особую центральноевропейскую идентичность охарактеризовать сложнее. При этом для российских ученых существенным является отношение носителей данных идентичностей к России. Влиятельной делается мысль о том, что на части постсоветского пространства и в демонстрирующих евроскептицизм постсоциалистических странах можно будет сберечь традиционные европейские ценности [16]. В такой постановке возрождается представление о Восточной Европе в широком смысле.

Вместе с тем в российской литературе высказывалось мнение, что Центральная Европа – понятие не цивилизационное, а сугубо географическое. Это географический центр Европы, но вовсе не эталон европейскости, находящийся на западе континента. Центральная Европа воспринимает приходящие от туда импульсы и транслирует их дальше на восток, испытывая одновременно обратное воздействие восточных соседей. Иными словами, название региона не должно вводить в заблуждение при изучении центр-периферийных отношений. В этой связи предлагалось ввести в употребление термин *Средняя Европа* [8. С. 95–96].

В качестве региональных терминов в России стали широко употреблять понятия «постсоветского пространства», «ближнего зарубежья» и «Новой Европы». Обозначаемые ими территории отчасти совпадают, а сами термины вызывают критические суждения. Дискриминационный смысл усматривается в терминах «ближнее зарубежье» и «Новая Европа»: в первом видят неравноправную трактовку Россией ее соседей, а во втором – игнорирование давней принадлежности новых членов ЕС (иногда даже называемых младоевропейцами) к европейскому цивилизационному кругу. Неодинаково в разных странах воспринимается советское прошлое, что сказывается на готовности использовать определение *постсоветский*.

В России встречается и менее распространенная региональная нарезка. Так, изучающий современные процессы Институт Европы РАН создал Отдел исследований Центральной и Восточной Европы, в который входят Центр вишеградских исследований, Центр прибалтийских исследований и Центр белорусских исследований, а также Отдел Средиземноморья и Черноморья, в который включен Центр по изучению балканских стран и стран Южного Кавказа.

Некоторые термины пришли в российскую науку извне. Это прежде всего относится к понятию «Центрально-Восточной Европы». Конструирование данного региона началось давно, но лишь в 1990-е годы, когда продвижение термина было поддержано сетью институтов Центрально-Восточной Европы, он начал использоваться достаточно широко. Главным интеллектуальным донором выступила Польша (*Europa Środkowo-Wschodnia*), основными же реципиентами явились постсоветские европейские государства. Ключевая новация состоит в расширении Центральной Европы в восточном направлении путем их включения в регион: Центрально-Восточная Европа – это не центральная часть Восточной Европы, а восточная часть Центральной Европы, которая простирается до Смоленщины и Приазовья. Такого рода предложение, сулящее приобщение к европейскости, оказалось привлекательным для украинцев, белорусов и литовцев. Максимально широкое понимание Центрально-Восточной Европы включает бывшую советскую Прибалтику и Балканы.

В России термин «Центрально-Восточная Европа» также получил известное распространение, используясь, как правило, без учета его генезиса и особенностей современного бытования. Вместе с тем он встретил весьма скептический прием: продвижение термина связали с политически мотивированным стремлением оторвать от России близкие ей культурой и исторической судьбой восточнославянские народы, а также поместить россиян вне рамок Европы². В исторической ретроспективе Центрально-Восточная Европа мыслится

² В этой связи сторонники проекта Центрально-Восточной Европы порой благосклонно оценивают сраязство, хотя его основатели последнего включали в Евразию абсолютное большинство территорий, принадлежавших ранее Российской империи.

как регион, сформировавшийся в границах государственных образований имперского типа — Речи Посполитой и Австрийской империи (Австро-Венгрии). Трудно отрицать большое значение опыта длительного пребывания народов в составе указанных многонациональных государств. Однако и абсолютизировать этот опыт, игнорируя другие исторические периоды и факторы, не представляется правильным. Особое внимание обращается на то, что в Центрально-Восточную Европу включается вся современная государственная территория Украины без учета ее ярко выраженной региональной неоднородности. Более корректным считается говорить не о Центрально-Восточной Европе, а о Центральной и Восточной Европе.

Стоит отметить, что и за пределами России понятие Центрально-Восточной Европы не вытеснило альтернативных терминов. В программе II конгресса зарубежных исследователей истории Польши (Краков, 2012 г.) достаточно много упоминаний о Центральной Европе³. Проект Центрально-Восточной Европы и родственные ему проект Междуморья испытывают растущую конкуренцию со стороны Инициативы трех морей, с которой выступили в 2015 г. президенты Польши и Хорватии. Центральная Европа в ней получает расширение не на восток, за пределы ЕС, а преимущественно в южном направлении, вплоть до Адриатики.

Весьма востребованным сделалось различие Западных и Восточных Балкан, отразившее, в частности, процесс вхождения стран полуострова в НАТО и Европейский Союз. В российской науке наряду с определением *южнославянский* продолжает использоваться более узкое определение *югославянский*, служащее для обозначения народов Югославии. Эквивалентом этого давно существующего термина стало более новое понятие *постъюгославское пространство*.

Понимание регионального строения Европы невозможно без изучения мира империй. Новая история империй, занявшая в последние десятилетия видное место в ведущих историографиях, получила значительное развитие и в России. Российские слависты, надо сказать, обратились к изучению империи Габсбургов и Османской империи, активности Российской империи на Балканах и польско-го национально-освободительного движения еще в советские времена. Исследование империй побуждает мыслить в региональном формате: империя является сложной системой регионов, ее саму можно рассматривать в качестве отдельного региона, в Европе долгое время существовал макрорегион континентальных империй [18–19].

В образовательной практике постсоветской России сохраняют актуальность гибридные формулы. Так, в 2002 г. в Санкт-Петербургском государственном университете была создана кафедра истории славянских и балканских стран. В Российском государственном гуманитарном университете с 2007 г. существует кафедра славистики и центральноевропейских исследований, имеющая филолого-страноведческий профиль и уделяющая особое внимание контактам славян с неславянскими народами.

Итак, от традиционного деления Европы на славянский, германский и романский миры, *Pax Orthodoxa* и *Pax Latina* осуществился переход к представлениям о полиэтнических и поликонфессиональных макрорегионах. Становление регионального подхода в российском славяноведении было сопряжено с обращением к изучению соседствующих со славянами неславянских (германских, финно-угорских, романских, тюркских и др.) этносов, интерес к которым мотивировался их контактами со славянством. Региональные

³ Ряд материалов конгресса по интересующей нас проблематике опубликован [17. S. 149–189].

исследования в России ощутимо потеснили «чисто» славистические, хотя во всех дисциплинах славистического комплекса сохраняется пласт тем, разрабатываемых в русле классического славяноведения. Компаративистика, кросс-культурные исследования, труды в русле *entangled history* предполагают, как правило, именно региональную оптику. Как в советские, так и в постсоветские времена российские слависты внесли ощутимый вклад в развитие регионоведения.

Региональной терминологии свойственны аксиологические коннотации, она весьма чувствительна к разного рода геополитическим проектам, нацеленным на конструирование регионов. Российские слависты проявляют интерес к регионоведческим новациям зарубежных коллег и их понятийному аппарату, но в основном продолжают ориентироваться на отечественные научные традиции, анализ которых в этой связи становится тем более важным. Обсуждение терминологических вопросов имеет принципиальное значение для международного диалога ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 1.
2. Соловьев В. С. Мир Востока и Запада // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. 2.
3. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 2.
4. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.
5. Покровский М. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. № 142.
6. Аксенова Е. П. Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты // Славянский альманах. 2013. № 18.
7. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942.
8. Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
9. Горизонтов Л. Е. Александр Мыльников – исследователь славянского мира // Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. СПб., 2016.
10. Улунян Ар. А. Новая политическая география. Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX – начало XXI в. М., 2009.
11. ООН придала Эстонии, Латвии и Литве статус государств Северной Европы // <https://www.newsru.com/world/09jan2017/status.html>
12. Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.
13. Центральная Европа в Новое и Новейшее время. (Сборник к 70-летию Т. М. Исламова). М., 1998.
14. Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
15. Gorizontov L. Stereotypy wzajemnego postrzegania się w rosyjsko-polskiej historii croisée. Uwagi o charakterze historiograficznym // Narody & stereotypy 25 lat później: Nowe granice, nowe horyzonty. Kraków, 2015.
16. Горизонтов Л. Е. Евроскептицизм в Центральной и Юго-Восточной Европе как исследовательская проблематика // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016.
17. Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. 2013. № 4.
18. Горизонтов Л. Е. Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований // Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы всероссийского совещания. М., 2005.
19. Горизонтов Л. Е. Империя в регионе, империя-регион, империя регионов // Регіональна історія України. 2008. Вип. 2.